

Артисты двух театров

Тягосты драмы имени Пушкина и Владимирской драматической театр имени Горького являются друг друга, составляют вместе как бы один основной драматический театр города Ленинград. В Москве они существуют друг против друга и тех же полноты творческой свободы русского театра. Валент В. А. Мичурин-Самойлову, В. П. Корчагину-Александровскому, Н. Е. Юрьеву, Б. А. Горюхину, И. М. Симонову, К. В. Сорокоботову, а также на сцене О. Г. Казарю, В. Т. Кабардину, В. Я. Софранову, В. П. Полупейскому, Г. М. Мачурину на тех же высотах, на которых несколько дней назад Москва потеряла А. А. Яблоцкого, В. Н. Раевского, Е. А. Турчанкину, П. М. Сажинского, А. А. Остуженю, М. М. Клеменову, Н. Е. Яковлеву и других превосходных мастеров Малого театра, — это артисты одного творческого единства советского театра.

Наследник великого Мартынова и преемник великого Шапкин делают одно и то же дело художественной правды. Есть строгое соответствие в «структах и духах» названных театров. «Малый» Ленинградского театра имени Горького сменил на полноту Малого театра «Уралья Акосту» Гупцова, а Ю. М. Юрьев-Арбенин мог бы протянуть руку А. А. Остуженю — Уралю в знак неразрывного творческого союза двух артистов, поддерживающих прекрасное пламя романтического порыва к своеобразному человеку.

Арбенина можно считать как спектакль с опустошенной душой, можно считать как ступень свободы с отрубленной совестью. Юрьев влечет и воплощает в Арбенина личностности мечту о гордом и свободном человеке, жаждущем по закону своей мысли, по праву своего чувства. Человек этот потерян в прах, отян на власть безумца. Такова сама времена, в которые мы живем, такова высота среды, в

которой человек не заключен. Не позволено человеку, а не попереха мечта о чуждом и чуждом, что есть в образе Арбенина, созданным Юрьевым, лучше, что есть в изобразении самого Юрьева, — это неразделимость мечты о гордом и свободном человеке.

Замечательна романтический язык, на котором говорит Юрьев в «Маскараде». В сожалею, но другие исполнители tragedien Лермонтова лишь одной Е. И. Таме (баронесса Штралъ) доступна тайна владения этим языком. У остальных исполнителей этот романтический язык превращается либо в салонный пронос, либо в бытовое наречие.

Чистой романтической речью наделот тех же Юрьев провинциального актера Насосадишвина, и — замечательная находка артиста! — этот же романтический язык — «белый и чистый свет» в речах его соотечественника — В. А. Горюх-Горюхина. Оба они влюблены в одну прекрасную женщину. Ей имя — Мельпомена. Оба они ненавидят тех, кто не чтит ее, оба протестуют намеренно сурово и самолюбиво. «Трагическое» (у Насосадишвина) и «комическое» (у Горюхина) — это звуковое выражение одной и той же любви и одной и той же мечты. Юрьев и Горюх-Горюхин следят в «десе» в такой чудесной дух, что о них нельзя говорить порознь: или полет, или иррациональное меланхолическое, или иррациональное меланхолическое. И очень жаль, что режиссер В. П. Божич так часто выключается в этот дух, поднимая на один, то другой так его мелодик (вымарк текст во втором акте).

Есть еще один дух в «десе», исключительный режиссер: это дух Насосадишвина с Асиной. «Куныры» режиссера оборачива великий ряд замечательных изображений у Н. С. Рапесовой, давшей в Асины образ удной, смелой девушки, у ко-

торой горячее сердце начинает биться в такт с пробуждающейся мыслью.

Москва давным-давно не видела В. А. Мичурину-Самойлову, и как-то жаль было увидеть эту прекрасную представительницу славы самобытной династии только в одной роли Гурьевской. Впрочем, она роль в своем роде казалась и готовая для Роль Арбенина. Такое количество интриг, событий и старинных костюмов, отстоять счастливо их прерываться за ее долгие сценические жизни! Нужна исключительная самолюбивость мастера, нужна исключительная свежесть жизненного восприятия, чтобы не повторить старых повторений в новом большом портрете.

Также Уланг, таких калычки, казусу представляла Е. П. Корчагину-Александровская, осуществившая в комических времена бесстрашное искусство. В двух ролях выступила она в великом смысле слова в ролях митиче — Уланг и старухи Евдокия Ивановна («денна»). Ее Уланг — былаша крепостная раба, и разве можно ее осудить за подальность, за разницу поступка, за рабый донос но близкий? Ведь это все выделено на Улангу ее крепостной подальности госпожам Гурьевским. Этих паростов у Уланг так много, что они кажутся всей Уланг. Так же и иррационально: оплошной «свернувакой». А Корчагина-Александровская твердо возражает: нет, Уланг не один глупый парост, у нее есть душа, живое, человеческое «я». Вот это, — так это человек и так показывать его, — это и есть подлинно реалистическое, подлинно народное искусство! Хочется повторить слова поэта: «Учусь у нее, россиянка артистка!» — и прочее тоже, конечно, легендарные артисты, имеющие счастье играть с нею, видеть ее постоянно. Многие и так, кто учится, отличные с первого раза.

И не хочу сказать, что Е. В. Сороко-

ботов, женовавший в спектакле роль Ленина (пьеса А. Каллера и Т. Златогорова), прямой ученик «стети Катя». Но я думаю, что Сорокоботов проявил свое искусство не той отянутой, любящей и злоупотребляющей у Валдимира Каллера, которую так правдиво представляет «стети Катя».

Великого сходства у Сорокоботова с Лениным быть может не больше, чем у других исполнителей, но есть другое, более яркое и более тесное сходство: сходство внешнего пуза. Вот этим изобразительным сходством образ Ленина, созданный Сорокоботовым. Качество артиста за это сходство нельзя. Мы можем только благодарить.

Как за образ Ленина следует благодарить Сорокоботова, так за изображение реди Каллера следует благодарить Н. Е. Черкасова.

Можно горько сетовать, что Москва не увидела многих замечательных артистов во всех трех постановках Театра имени Пушкина. В спектакле «Фиделия», замечательном из всех показанных Ленинградскими театрами, только два образа раскрыли артисты. Это — граф де Рагроз — И. Е. Симонов и великий маркиз де ля Тремуль в изобразении Студенцова. Все остальные персонажи драмы Сарду были персонажами на мейораны, ставившей своей задачей, автору поэтому вселяли спасения то в митиче артистичности, то в бытовых масках, но давая артисту возможность встретиться ни с живым образом, ни с интересной актерской индивидуальностью.

Прощание гастроля Театра имени Пушкина оставила впечатление, что будто в Театре имени Пушкина нет артистов сильного драматического темперамента. Такого должно впечатление не было бы, если бы были показаны «Матеха» Балызава с Е. Т. Ждановой в главной роли. Ермолова выходящая драматическое дарование Ждановой. Это оценку вполне разделяет Ленинградский артист. «Матеха» с участием Ждановой является отменой на его

памятнейшим спектаклем. Почему этот спектакль не был показан в Москве? Почему Москва не увидела таких замечательных артистов Театра имени Пушкина, как А. Г. Гриншпана, Е. П. Калыжина, Н. Н. Бромфий, М. Н. Лешков, В. Я. Вороной, Л. С. Вильям? Отсутствие этих мастеров было замечено Москвой в применительном образе отразился на художественной ценности спектакля Театра имени Пушкина.

Наоборот, несмотря на то, что Большой драматический театр имени Горького был представлен в Москве только двумя постановками — «Дачники» и «Царь Ноталь», — актерское богатство театра было показано с большой полнотой. В приемах двух постановок труппа театра была развлекать так горько полное, и более выходящее для артистов плане, чем в четырех постановках старейшего из Ленинградских театров.

Комплетс Театра имени Горького отличается большой изобразительной способностью. Это — отличная ансамбль, но ансамбль не для трагедий и не для романтической драмы, а для комедий и ярких психодраматической и бытовой. Вот почему здесь настолько хочется говорить об отдельных артистах, особенно об ансамбле, но это позво не значит, что в Театре имени Горького нет замечательных исполнителей. Наоборот! Я, пожалуй, не смел назвать другого советского актера, который так умно и свободно справился бы с образом кузума Урлова, как это сделал В. П. Полупейский в драме Колцова «Царь Потап». Но образ Потапа, главу кулацкой семьи, рисует не один Полупейский, а и другие артисты. Дочь Потапа Маньку играет представительница своего младшего поколения театра, артистка исключительного состава И. Д. Петурина, — и она изображает именно дочь Потапа, а не просто деревенскую девочку, хотя и отлично непосредственности и чистой детскости в ней очень много. В обороте, в детской самоуверенности Сашки (артистка М. А. Призван-Сомолова) тоже чувствуется семейное сходство с отцом. Надаром царь Потап в Сашке видит своего единственно-

го наследника. Артистка Ю. О. Блюмфельд, играющая другую дочь Потапа — Любу, также не уезжается одной бытовой характерностью. Она также решает более трудные задачи — психологические и социальные. Ее Люба не просто смущенная деревенская девочка, а дочь своего отца.

Все эти образы связаны крутой творческой общности и одинаково выразительных воплощений. Самое интересное в спектакле, если один артист способен на другое, стремится переложить впечатление артиста только на себя, только на свой образ. Ни в одном спектакле Театра имени Горького ни у одного актера этого нет. Здесь, наоборот, одна роль выходящая во другую, один образ исключает другое и в свою очередь порождает третий. То, что почти невозможно выделить не сценически, то как другого исполнителя, — белая засада, дающая на актеров Театра имени Горького и всех их вместе.

Театр имени Горького процветает в Москве более полно и сильнее, чем в Ленинграде, чем Театр имени Пушкина, — это объясняется тем, что его артисты более обременены количеством творческих упражнений, чем артисты Театра имени Пушкина. Но это упражнение должно быть широким и глубоким.

Театр имени Пушкина развивается и в трагедии, и в романтической драме, и в комедии, и в современной пьесе — и в этом он прав: это значит, что он формируется к логичному театру. Опыт хорошо, что в этом театре есть отдельные превосходные мастера для Шекспира и Лермонтова, для Гюго и Островского, но горько, что мастера эти иной раз остаются одиночками, составившими галерею.

Приведу, что актеры Театра имени Горького дружно и строго играют пьесу Горького, но будет еще лучше, если, кроме Горького, они так же строго будут играть еще в Лермонтова, и Шидлера, и Гюго.

Каковы пожелания московских зрителей Ленинградским артистам! Основное пожелание: не «прошайте», а «это свидания, до скорого свидания!».